

Петр Сойфер

Переводчик запахов

Петр Сойфер
Переводчик запахов

«Автор»

2026

Сойфер П.

Переводчик запахов / П. Сойфер — «Автор», 2026

Что если парфюм действует как сыворотка правды? Неаполь, 1630-е. Доменико Капассо — лучший переводчик запахов в городе — случайно создаёт состав, который убирает всё лишнее между тем, что человек знает, и тем, что говорит вслух. Жена торговца льдом час говорит мужу то, что копила девять лет. Нотариус искренне лжёт — и сам не понимает этого. Один человек замолкает на три дня: за дверью оказалась пустота. Есть только одна проблема: Доменико потерял обоняние восемь месяцев назад. Он создал сыворотку правды, не чувствуя ни единого запаха. И теперь не знает, как её остановить. Инквизитор требует формулу. Ученик торгует образцами. Город наполняется людьми, которые сказали лишнее — и не могут взять слова обратно. Антидот существует. Но чтобы его создать, переводчик должен сделать то, чего боится больше всего: сказать правду сам. Роман в традиции Умберто Эко и Патрика Зюскинда — о языке, власти и цене слова, произнесённого вслух.

© Сойфер П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Переводчик запахов

Глава

Часть первая: Потеря

Глава I

Неаполь в третий час пополудни пах так, как пахнет город, который слишком долго живёт: смолой и рыбьей чешуёй от порта, горелым жиром из переулков за Меркато, конским навозом с Толедской дороги, ладаном сразу из трёх церквей — Сан-Дженнаро, Санта-Мария-ла-Нова и безымянной капеллы на углу, где монахи пели так фальшиво, что Бог, по мнению квартала, давно перестал слушать.

Всё это Доменико Капассо знал. Перечислял про себя, как молитву — не потому что чувствовал, а потому что помнил.

Восемь месяцев. Семь дней. Примерно пятнадцать часов — если считать от утра, когда он встал и первым делом, ещё не открыв глаз, потянул носом воздух спальни: Фаустина, её кожа, её волосы, кипарисовое мыло, которым она умывалась, чуть кислый запах сна. Ничего. Открыл глаза. Посмотрел в потолок. Подумал: сегодня тоже нет. Встал. Умылся. Пошёл открывать лавку.

Разница между помнить запах и чувствовать его — такая же, как между картой и морем. Карта точна. Карта подробна. Карта не мокрая.

Клиент вошёл без стука.

Доменико сидел спиной к двери — всегда спиной, правило Туллио, вбитое в тело за девять лет ученичества: *не смотри раньше, чем почувствуешь, иначе глаза совернут быстрее, чем нос успеет сказать правду.* Он слышал шаги — короткие, с паузами у каждой полки. Человек останавливался. Нюхал.

Нюхал — вот так просто, вошёл и нюхает. Как будто воздух сам идёт навстречу и отдаёт всё, что в нём есть. Я помню, как это было. Помню — значит, знаю. Значит, ещё переводчик. Пока помню — переводчик.

В лавке двести склянок с чуть приоткрытыми пробками дышали одновременно, и войти сюда, не втянув носом — значило оскорбить место. Доменико знал это. Клиент чувствовал это. Между ними уже было что-то общее, хотя они ещё не видели друг друга.

— Маэстро Капассо.

Не вопрос — утверждение. Человек знал, куда пришёл.

— Стул справа от двери, — сказал Доменико. — Не у окна.

Пауза. Клиент хотел спросить — почему не у окна. Не спросил. Сел.

Те, кто не задаёт лишних вопросов в первые тридцать секунд, обычно платят без торга.

Доменико обернулся.

Мужчина лет тридцати пяти. Хорошее платье с испанской отделкой — три года как немодной. Деньги есть, тщеславие спрятано или отсутствует. Руки открыты на коленях — поза, которая стоила усилий. На правом безымянном пальце — белая полоса кожи, чуть светлее загара.

Кольцо снял перед входом. Не потерял — потерявший не держит руку так, как будто кольцо ещё там, как будто рука помнит его вес и не знает, как без него. Значит, снял наме-

ренно. Пришёл с историей, которую хочет рассказать без деталей. Таких я не боюсь — они платят полностью и не торгуются, потому что стыд дороже денег.

— Жена, — сказал Доменико.

— Я не...

— Синьора Маркеше посылает только мужей. Иногда любовников, но любовники не снимают кольца. — Доменико взял перо. — Возраст жены?

Короткая пауза — достаточная, чтобы решить, стоит ли сопротивляться.

— Двадцать восемь.

— Темперамент. Злится — кричит или молчит? Смеётся или улыбаётся? Плачет с причиной или без?

Мужчина думал дольше, чем следовало.

Не знает. Или знает, но не в словах — знает телом, интонацией, тем, как она входит в комнату. Это самый трудный клиент: у него правильный ответ, но язык, которым говорят о жёнах, беднее, чем язык, которым говорят о лошадях или тканях. Туллио говорил: дай им время, они находят слово. Главное — не помогать. Как только ты помогаешь — ты описываешь свою жену, не его.

— Молчит, — сказал мужчина наконец. — Когда злится. И когда счастлива тоже. Я не всегда понимаю разницу.

— Мало кто понимает, — сказал Доменико. — Поэтому вы здесь.

Он уже шёл вдоль полок. Движения отточены за годы — левая рука вдоль нижнего ряда, смолы и мускусы, тяжёлые, с памятью о животном тепле, правая — по среднему ярусу, цветочные и цитрусовые, лёгкие, быстрые, хорошие для тех, кто хочет нравиться не запоминаясь. Третий ярус — то, что гильдия называла *живыми*: меняющимися, трудными, способными из одного стать другим за час.

Я иду вдоль этих полок и не чувствую ничего. Двести склянок. Я знаю каждую — где стоит, что внутри, из какой партии. Знаю, как каждая пахла. Знаю — прошедшее время. Я хожу по музею собственной памяти и делаю вид, что это мастерская.

Он снял три склянки. Поставил перед клиентом.

— Понюхайте каждую. Не торопитесь. Первое слово, которое придёт — не название запаха, слово.

Мужчина взял первую, поднёс к носу.

— Церковь.

Ладан с камфорой, чуть горьковатый на выходе — запах находит в человеке слово, которое уже было.

— Вторая.

Долгая пауза.

— Моя мать.

Роза с нотой пчелиного воска. Доменико записал — запись клиенту нужна была больше, чем ему.

— Третья.

Мужчина замолчал. Держал склянку дольше, чем две предыдущие, и молчал — не задумчиво, а с тем выражением, которое Доменико видел у людей, нашедших в чужом доме что-то неожиданно своё.

— Ничего, — сказал мужчина тихо. — Я не могу описать. Это не похоже ни на что.

— Это и есть ответ, — сказал Доменико.

Он забрал склянку, не глядя на неё. *Амбра с сандалом и бензоином. База для «Веритаса» — той партии, которую он собрал три недели назад из памяти и ошибки, и которая стояла в задней комнате, потому что он ещё не решил, что с ней делать. Не эта склянка должна была оказаться на столе. Убери её. Убери подальше. Поставь за другие. Не потому что опасна —*

ты не знаешь, опасна ли. Потому что не понимаешь, что сделал. А то, чего не понимаешь — не продаётся. Туллио говорил: не продавай то, чего не можешь объяснить. Я возражал: но некоторые вещи нельзя объяснить, они только чувствуются. Он сказал: вот именно.

— Флегматик, — сказал Доменико, возвращаясь к столу. — Молчит в обоих направлениях, не потому что скрывает — потому что не видит смысла переводить внутреннее во внешнее. Парфюм с сильным характером убьёт её через час — станет тяжёлым, кислым, как остывший очаг. Ей нужно что-то, что не требует от неё усилий.

Мужчина смотрел на него с выражением человека, которому наконец описали то, что он знал, но не умел назвать.

Вот за этим они приходят. Не за парфюмом. За словами. Парфюм — предлог. Им нужно, чтобы кто-то посторонний, кто не живёт рядом и не устал от них, сказал: да, ты правильно чувствуешь, это называется вот так. Я продаю не запахи. Я продаю точность. Всегда продавал. Просто раньше точность шла через нос, а теперь — через глаза и память.

Разницы нет.

Есть.

— Розмарин апулийский, — сказал Доменико. — Лаванда. Немного амбры — чтобы было живое, не мёртвое. Через час станет теплее, не тяжелее. Она не заметит, что носит парфюм — будет казаться, что так пахнет она сама.

Мужчина кивнул. Что-то в нём расправилось — голос стал тише, от чего-то, что отпустило.

* * *

Он ушёл через час с флаконом и квитанцией, которую Фаустина выписала чётким почерком дочери торговца — той, для которой слова на бумаге всегда стоили денег.

Доменико остался у стола. Взял склянку — не розмарин, другую — открыл пробку и поднёс к носу. Подождал. Закрыл.

Ничего. Как вчера. Как позавчера. Продолжай.

— Третий за неделю, — сказала Фаустина из дверей.

— По рекомендации Маркезе.

— Я не про это. — Она стояла в проёме, держа книгу — не ту, что для клиентов. — Ты снова дал ему третью склянку последней. Раньше ты давал её первой.

Вот оно — восемь месяцев она это копит. Каждое отклонение, каждую переменную в методе, каждый раз, когда я не морщусь там, где должен морщиться. Она ведёт свой архив. Я думал — не замечает. Это было самонадеянно.

— Я изменил метод, — сказал Доменико.

— Восемь месяцев назад, — сказала Фаустина. Голос — ровный, без интонации, как у человека, который решал долго: произносить или нет. — Примерно тогда же, когда перестал морщиться от навоза в порту.

Тишина.

Она знает. Знала — как давно? С самого начала? Или постепенно, как я сам понимал постепенно, не сразу, а маленькими потерями — сначала тонкие ноты, потом средние, потом всё. Она видела это. Считала. Молчала. Из чего-то другого. Из того же, из чего молчу я.

— В порту стало чище, — сказал Доменико.

— Да, — согласилась Фаустина. — Значительно чище.

Она вернулась в заднюю комнату. Он слышал, как она открывает книгу и пишет — не поднимая головы.

Мы оба знаем. Мы оба знаем, что оба знаем. И продолжаем. Это не ложь — это договор. Договор, который никто не предлагал и не подписывал, но оба соблюдают. Интересно, кто нарушит первым. Интересно, что будет, когда нарушит.

Интересно — плохое слово. Я боюсь.

За окном Неаполь дышал — смола, рыба, горячий камень, ладан, чужие жизни, восемьдесят тысяч человек, каждый со своим запахом, каждый запах — предложение на языке, которым Доменико больше не говорил.

Он закрыл лавку и некоторое время стоял у двери, держа руку на засове.

Завтра придут новые клиенты. Я буду читать их руки, их платья, пространство между ними и мной — и не чувствовать ничего. И говорить им то, что нужно говорить. Потому что язык живёт не в носу. Он живёт в памяти.

Пока память держится.

Глава II

Церковь Сан-Дженнаро пахла — Доменико знал это так же точно, как знал, что земля под ногами твёрдая, даже когда не смотрел вниз. Ладан сомалийский, смоляной, с горьковатым выходом. Холодный камень, который держит влагу даже в августе. Воск от сотни свечей, каждая со своей историей — богатые жертвовали толстые, в палец шириной, бедные — тонкие, как детские пальцы, сгоравшие за час.

Он стоял у левого придела и ждал.

Каждую неделю одно и то же. Прихожу. Стою. Жду. Как будто обоняние — это опоздавший гость, который вот-вот войдёт в дверь. Туллио сказал бы: ты молишься. Я бы ответил: я не верю в Бога. Он бы сказал: именно поэтому ты молишься носом, а не ртом — потому что нос не умеет лгать о вере.

Кадильница качалась медленно, почти лениво. Дым расходился кольцами в холодном воздухе нефы, поднимался к своду, где святые смотрели вниз с выражением людей, которые знают что-то важное и не считают нужным делиться.

И тут — не запах. Что-то другое.

Дыхание замедлилось само, без его участия. Плечи опустились — он заметил это только потому, что почувствовал, как затёкшие мышцы между лопатками вдруг отпустили. Тело делало что-то, чего он ему не приказывал. Тело помнило: здесь бывает ладан, здесь бывает холодный камень, здесь бывает тишина с запахом — и реагировало на воспоминание так же, как реагировало бы на реальность.

Фантом. Это называется фантом. Моряки, потерявшие руку, чувствуют боль в пальцах, которых нет. Я чувствую запах, которого не чувствую. Это не выздоровление. Это насмешка — тело утешает себя тем, что помнит. Не принимай это за знак. Это не знак.

Он простоял ещё несколько минут, позволяя плечам оставаться опущенными — это было почти приятно, эта мышечная ложь — и уже собирался уходить, когда услышал голос.

— Видите вон ту свечу? Третья слева от алтаря. Она горит иначе.

Доменико обернулся.

Леандро Пизано стоял в двух шагах — молодой, с тем особым видом человека, который вошёл минуту назад, но держится так, будто был здесь всегда. Двадцать три года, тёмные волосы, нос — прямой, хорошей формы, из тех, что вызывают доверие у клиентов, ожидающих «орган чувств». Одет небогато, но с достоинством бедности, которая знает себе цену.

— Иначе — это как? — спросил Доменико.

— Мигает не от сквозняка. Мигает изнутри — фитиль влажный, воск с примесью. Дешёвый воск, в котором много животного жира. Он горит с запахом, который... — Лео на секунду закрыл глаза, — ...похож на запах кухни после ужина, когда жар погас, но жир ещё тёплый. Кто-то пожертвовал дешёвую свечу и поставил её рядом с дорогими. Через час она погаснет. Остальные будут гореть до утра.

Вот. Доменико смотрел на него и чувствовал что-то тупое и неприятное где-то за грудиной — не боль, скорее давление. Он описывает точно. Не красиво — точно. Временная диаграмма: кухня после ужина, жар погас, жир ещё тёплый. Это фразист, не Словарь —

он строит предложения, а не просто называет. А ему двадцать три. В двадцать три я ещё путал тяжёлое с горьким.

— Вы не должны были быть здесь, — сказал Доменико.

— Я живу в квартале, — сказал Лео без защиты в голосе. — Иногда захожу. — Пауза. — Вы тоже здесь каждую неделю. Я видел вас здесь не раз.

«Видел». Доменико убрал это слово в ту же мысленную папку, куда убирал всё, что пока не знал, куда деть.

— Была клиентка, — сказал Лео, переводя взгляд обратно на свечи. Небрежно — слишком небрежно для человека, который говорит случайное. — Пока вас не было в лавке. В среду, после полудня. Я сказал, что вы вернётесь к вечеру, она не захотела ждать. Взяла флакон сама — я выписал квитанцию.

— Какой флакон?

— Розовую воду с мускусом. Стандартный.

Стандартный. Посмотри на него — он говорит «стандартный» и смотрит на свечи, не на меня. Когда человек смотрит в сторону, говоря «стандартный» — это не всегда ложь. Иногда это просто неловкость. Я не знаю, что это здесь. Раньше я бы знал.

— Хорошо, — сказал Доменико.

Они помолчали. В тишине церкви было что-то, что делало молчание между двумя людьми более плотным, чем на улице — как будто своды собирали его и не давали рассеяться.

— Маэстро, — сказал Лео.

— Да.

— Та партия в задней комнате. Три недели стоит. Вы не говорили, для какого заказа.

Вот настоящий вопрос. Всё остальное было вступлением к этому. Доменико посмотрел на него — спокойно, профессионально, как смотрят на склянку, которую изучают, а не на человека, которому отвечают.

— Не для заказа, — сказал он. — Эксперимент.

— Можно понюхать?

— Нет.

Слово вышло быстрее, чем он успел решить — надо ли. Лео не обиделся. Или сделал вид, что не обиделся — разница между этими двумя вещами была именно того рода, которую Доменико раньше чувствовал носом.

Он умнее, чем я хочу, чтобы он был. Он острее, чем удобно. Он будет лучше меня — через пять лет, через три, может быть. И он это знает. Ещё не знает, что знает — но чувствует. Эта жадность в нём, эта точность — она требует места.

— Я пойду, — сказал Лео. — До завтра, маэстро.

Он ушёл так же, как вошёл — без усилий, не оборачиваясь, с той лёгкостью молодого тела, которое ещё не знает, что за каждый шаг придётся платить.

Доменико остался.

Кадильница качалась. Дешёвая свеча мигала — действительно изнутри, действительно иначе. Лео был прав.

Он прав. Он умеет. Он будет лучше.

Я должен быть рад — это моя работа, растить того, кто лучше. Туллио был рад мне. Говорил: ты уже видишь то, чего я не вижу, это правильно, это так и должно быть.

Туллио не терял обоняния в сорок два.

Доменико вышел из церкви в темноту переулка. Неаполь вечером был другим — тише по звуку, плотнее по всему остальному, люди возвращались домой и закрывали ставни, и город сжимался, становился меньше, теснее, почти уютным той теснотой, в которой трудно дышать, но одиноко не бывает.

Фаустина не спала — он видел свет в окне задней комнаты ещё с улицы. Поднялся, открыл дверь тихо. Прошёл через переднюю, мимо полок с двумястами молчащими склянками.

В задней комнате на столе горела свеча. Фаустина ушла — свеча осталась. Рядом — книга, закрытая, и на ней маленькая склянка, которую он не ставил сюда.

«Веритас».

Она взяла её с полки. Зачем взяла — поставила сюда, как вопрос. Как вещь, которую кладут на видное место, чтобы сказать: я знаю, что это здесь. Я знаю, что ты об этом думаешь. Мы не говорим, но я знаю.

Он сел. Взял склянку в руки. Не открывал.

За стеной Фаустина дышала во сне ровно — он слышал это сквозь тонкую перегородку. Или думал, что слышал. Иногда он уже не был уверен, что слышит, а что достраивает из памяти о том, как она дышит.

Скоро я не буду уверен ни в чём, кроме того, что помню.

За окном Неаполь не спал — он никогда не спал по-настоящему, просто становился тише, давая тем, кто внутри, время побыть с тем, что они держат в руках.

Зачем держит — сам не знает.

Глава III

Сильвия Контарини пришла в первый раз в четверг, в час после полудня, когда лавка была пуста и Доменико сидел в задней комнате с тетрадью Туллио — не читал, просто держал в руках, как держат вещь умершего человека, которая ещё хранит тепло чужой жизни, хотя это, конечно, невозможно и просто кажется.

Лео открыл ей дверь — Доменико слышал голоса, потом шаги, потом стук в перегородку. — Маэстро. Синьора по личному делу.

По личному делу — это значит, не по рекомендации, не от Маркезе, пришла сама. Такие клиентки бывают двух видов: те, кто точно знает, чего хочет, и те, кто не знает совсем, но пришла, потому что больше некуда. По голосу — второй вид. Что-то напряжённое в том, как она ответила Лео — слишком вежливо, как отвечают людям, которых не замечают.

Он вышел.

Женщина лет тридцати, возможно тридцати одного. Тёмные волосы убраны тщательно — с усилием тщательно, не привычно. Платье хорошее, но надетое без интереса к себе. Руки — сцеплены на коленях, пальцы белые от давления.

— Синьора, — сказал Доменико. — Чем могу.

— Мне нужен парфюм, — сказала она. И после паузы, как будто это требовало отдельного решения: — Я хочу пахнуть иначе.

Иначе — чем? Чем сейчас, чем вчера, чем его любовница, чем она сама была три года назад? «Иначе» — самое пустое слово в моей профессии и самое честное одновременно. Человек, который говорит «иначе», не знает, чего хочет, но точно знает, чего не хочет. Это уже половина работы.

— Иначе — это хорошее начало, — сказал Доменико. — Расскажите мне о вашем муже.

Она моргнула.

— Я не говорила о муже.

— Нет. — Он сел напротив. — Но женщина, которая хочет пахнуть иначе, обычно хочет этого для кого-то конкретного. Или от кого-то конкретного. Муж — первое предположение.

Долгая пауза. Потом — не обида, а что-то похожее на облегчение: её разгадали, и теперь можно не притворяться.

— Торговец льдом, — сказала она. — Привозит лёд с Везувия. Хороший бизнес — летом особенно. Мы живём хорошо.

— Но?

— Нет никакого «но». — Она посмотрела на него ровно. — Я просто хочу другой парфюм.

Есть «но». Оно сидит в том, как она сказала «хороший бизнес» — с той интонацией, с которой перечисляют чужие достоинства, не свои. «Мы живём хорошо» — не «мне хорошо». Разница в одном слове, но это разные предложения на разных языках.

Доменико встал и пошёл к полкам.

Он работал методично — левая рука вдоль нижнего ряда, правая по среднему. Выбирал не спеша, давая каждой склянке секунду — не нюхал, просто держал, как держат письмо, прежде чем читать, чувствуя вес бумаги.

Ей нужно что-то лёгкое. Цитрусовое, может быть, с флоральной серединой. Что-то, что говорит: я здесь, я другая, я выбрала это сама. Не тяжёлое — тяжёлое для женщины, которая и так несёт что-то, что не называет вслух.

Он снял четыре склянки. Поставил на стол.

Лео в этот момент входил из задней комнаты с пустым подносом — убирал после утренней работы. Прошёл мимо, поставил поднос на полку, взял что-то с нижнего ряда.

Что-то взял. Что — я не видел. Переставил? Убрал? Добавил? Лео аккуратен с полками, я знаю это. Он не трогает то, что не его.

— Лео, — сказал Доменико, не оборачиваясь.

— Да, маэстро.

— Ты сегодня переставлял что-нибудь на нижнем ряду?

Пауза — короткая, но настоящая.

— Только вернул на место то, что вы доставали вчера.

— Хорошо.

«Вернул на место» — это правда или слова, которые звучат как правда? Слова — плохой детектор. Раньше у меня был другой.

Он вернулся к столу. Взял первую склянку — открыл, поднёс к носу по привычке, поставил перед Сильвией.

— Первое слово.

— Лето, — сказала она сразу. — Горячее.

— Вторая.

— Моря я никогда не видела. Но, наверное, вот так.

Хорошо. Она чувствует точно — образами, не названиями. Это лучшие названий.

Доменико записал.

Третья склянка.

Сильвия взяла её, поднесла к носу — и замолчала. Не так, как молчат, подбирая слово. Иначе. Как будто слово нашлось сразу, но она не была уверена, что хочет его произносить.

— Что вы чувствуете? — спросил Доменико.

— Странно, — сказала она тихо. — Это похоже на... как будто кто-то разрешил. Что-то разрешил. Я не знаю как объяснить.

«Бойся не того парфюма, который убивает. Бойся того, который открывает. Убитый молчит. Открытый — говорит. А слова — это единственное, что нельзя вернуть обратно в склянку».

Туллио писал это без заголовка, мелко, в третьей тетради, как будто не хотел, чтобы выглядело важным. Теперь я стою над этой женщиной с третьей склянкой в руках и понимаю: он знал. Он знал, что это возможно — и остановился. Я не остановился. Я даже не понял, что начал.

Разрешил.

Доменико посмотрел на склянку в её руках.

Третья склянка. Я поставил четыре. Третья должна была быть бергамот с лавандой — лёгкая, безопасная. Но Лео переставлял нижний ряд. А «Веритас» стоял на нижнем ряду с тех пор, как я убрал его подальше после прошлого клиента.

Холод прошёл от основания шеи вниз — быстро, как вода.

Она нюхает «Веритас».

— Поставьте склянку, — сказал он спокойно.

Она поставила — не сразу, с сожалением, как ставят чашку с недопитым чаем.

— Извините, — сказала она. — Я не хотела...

— Всё хорошо, — сказал Доменико. — Это была не та склянка. Моя ошибка.

Моя ошибка. Да. Чья же ещё. Лео переставил — но кто позволил Лео переставлять нижний ряд? Кто не закрыл «Веритас» отдельно, не поставил метку, не сказал: не трогать? Я. Потому что думал: в задней комнате. Но я вынес его — когда? Вчера ночью, когда сидел с ним в темноте. Поставил на полку и не вспомнил утром.

Он собрал из оставшихся трёх склянок простую, безопасную композицию — бергамот, немного жасмина, база из сандала. Флакон получился правильным: лёгким, летним, именно таким, каким должен быть парфюм для женщины, которая хочет пахнуть иначе, не зная — иначе чем.

Сильвия ушла довольная. Заплатила без торга. У двери обернулась — хотела что-то сказать, не сказала.

Что она хотела сказать — я не знаю. Но та секунда с третьей склянкой — «как будто кто-то разрешил» — это осталось в ней. Я видел это по тому, как она несла флакон: в руке, не в сумке. Как что-то хрупкое.

* * *

Лео ушёл раньше обычного — сослался на дело в квартале. Доменико не спросил — какое дело. Смотрел, как он закрывает за собой дверь, и думал о том, что молодые люди, у которых есть дела в квартале после рабочего дня, обычно идут туда, где говорят, а не туда, где молчат.

Куда он идёт. К кому. О чём будет говорить. Стандартный флакон в среду — клиентка, которая не стала ждать. Теперь это. Я складываю одно с другим и получаю число, которое мне не нравится. Но число — не доказательство. Число — это я, потерявший нос и теперь подозревающий всё, что не могу понять.

Может быть.

Фаустина пришла в лавку в сумерках — принесла хлеб и сыр, поставила на стол в задней комнате молча, как ставят вещи в место, где они всегда стоят.

— Была женщина сегодня, — сказал Доменико.

— Я видела в книге. Контарини.

— Она нюхала не то, что я хотел ей дать.

Фаустина отложила перо.

— «Веритас»?

Она знает название. Я назвал его при ней три недели назад — сам себе, вполголоса, думал, что не слышит. Она всегда слышит то, что я говорю вполголоса. Это её особенность или моя слабость — я никогда не решил.

— Да, — сказал Доменико.

— И что?

— Ничего. Она понюхала и поставила обратно. Я дал ей другое.

— Но что-то было.

Это не был вопрос. Фаустина смотрела на него ровно, как смотрят на человека, от которого ждут не информации, а решения.

— Она сказала: «как будто кто-то разрешил», — сказал Доменико.

Тишина.

— Разрешил что? — спросила Фаустина.

— Она не договорила.

Она не договорила. Но я думаю — я не хочу думать, но думаю — что она договорит. Что она вернётся и скажет то, что не сказала у двери. И то, что она скажет, будет началом чего-то, у чего я пока не знаю названия.

Фаустина взяла хлеб, разломала, положила перед ним половину.

— Ешь, — сказала она.

Доменико взял хлеб. Ел молча. За окном Неаполь переходил из дня в ночь — не плавно, а рывком, как это бывает на юге, где сумерки короткие и нерешительные, и темнота приходит не постепенно, а сразу, как человек, который долго стоял за дверью и наконец вошёл.

* * *

Через три дня — в воскресенье, когда лавка должна была быть закрыта — в дверь постучали.

Доменико открыл.

Сильвия Контарини стояла на пороге. Без платка, хотя было прохладно. Руки — не сцеплены, как в первый раз, а просто висели вдоль тела, как у человека, который устал их контролировать.

— Я сказала мужу, что не люблю его, — произнесла она. Тихо, без истерики — именно это было страшнее всего. — Он спросил — я сказала. Я не могла остановиться. Я говорила и говорила, и это было правдой, каждое слово, я слышала это сама — что правда, — и не могла остановиться.

Она посмотрела на него.

— Что вы мне дали?

Вот оно.

Доменико стоял в дверях и думал — не о том, что ответить. О том, что он, Доменико Капассо, сорока четырёх лет, лучший переводчик Неаполя, потерявший язык и продолжающий говорить на нём по памяти, только что создал — случайно, из ошибки и темноты — то, чего не создавал никто.

И теперь это стояло у его порога.

— Войдите, — сказал он.

Часть вторая: Открытие

Глава IV

Сильвия говорила долго.

Доменико не перебивал — сидел напротив, руки на столе, и слушал так, как учил Туллио слушать клиента: не слова, а паузы между словами, не то, что говорится, а то, как говорится, с каким усилием, откуда.

— Он спросил вечером, — говорила Сильвия. — Просто так спросил — за ужином, между супом и рыбой, как спрашивают о погоде: любишь ли ты меня? Он всегда спрашивает. Обычно я говорю — да, конечно, что за вопрос. Это как «как дела» — никто не ждёт настоящего ответа.

Она смотрела в стол.

— А в этот раз я сказала — нет. Сказала «нет» и не остановилась. Говорила, что привыкла, что это не одно и то же, что привычка — это когда знаешь, где человек ставит сапоги и как дышит ночью, и это ценно, это настоящее, но это не любовь, и я всегда это знала, просто никогда не говорила вслух, потому что зачем — он хороший человек, мы живём хорошо, и слова не изменят ни сапоги, ни дыхание.

Пауза.

— Я говорила, наверное, час. Он не уходил. Сидел и слушал. Потом встал, надел плащ и вышел. Вернулся под утро. Ничего не сказал. Я тоже.

Вот механизм. Доменико смотрел на неё и думал — спокойно, как думают о задаче, которая наконец обрела форму. «Веритас» не заставил её солгать. Не заставил сказать правду — она и так знала правду. Он убрал то, что стояло между знанием и словом. Ту перегородку, которую люди строят годами, кирпич за кирпичом — не из трусости, а из необходимости. Без этой перегородки жить нельзя. С ней — можно. «Веритас» разобрал её за час. И слова вышли — все, которые копились за девять лет брака.

— Вы жалеете? — спросил он.

Она подняла глаза.

— Об этом я думала три дня. — Пауза. — Нет. Это странно — нет. Мне страшно, что будет дальше. Но о словах — нет. Они были правдой. Я слышала это сама.

«Я слышала это сама». Доменико записал это — не в книгу, в память. Человек под воздействием «Веритаса» не чувствовал себя под воздействием. Он чувствовал себя собой — наконец собой, без фильтра. Это важно. Это меняет всё.

— Синьора Контарини, — сказал он. — Тот парфюм, который вы нюхали — это была ошибка. Я дал вам не то, что планировал. Состав был экспериментальным, не предназначенным для клиентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.